

2207

4 стр.

Мастера культуры Советского Туркменистана

ПОД ЮЖНЫМ СОЛНЦЕМ ВОЗМУЖАЛЫЙ

ВАДИМУ ЗУБАРЕВУ — 50 ЛЕТ

Мастер русского стиха Вадим Зубарев вырос в Туркмении. Детство — «на разъезде под самым Чарджоу», там жили родители. Отец до войны и позже, вернувшись с фронта, заведовал школой-интернатом. Вадим учился в средней школе в Чарджоу, затем окончил в Москве Литературный институт имени Горького. Пишет с малых лет, еще в годы учения выпустил первую книгу стихов. В его «активе» сейчас восемь поэтических сборников. Это — лирика, и, я не побоюсь сказать, очень самобытная.

При фанатическом упорстве и редкой, почти болезненной взыскательности немало достигнуто. Именно в мастерстве, освоении форм в самом широком смысле этого слова. Писать с годами не стало легче, — подвижники и не ждут спокойной жизни. Одержимость, мания совершенства в любом ремесле не располагают к покою.

У колыбели подающего надежды чарджоуского парня мы могли видеть замечательных советских поэтов и писателей. Их опыт он обязан был осваивать и перенимать. Председатель экзаменационной комиссии института Всеволод Иванов, классик и строгий наставник, оставил прочувствованные слова о первых творческих успехах юного выпускника. Михаил Исаковский и Сергей Смирнов — тоже учителя, их заботливые и ободряющие высказывания о стихах Вадима засвидетельствованы в разное время в письмах и отзывах. А его одноклассники в стенах института — Е. Евтушенко, Е. Исаев, Н. Старшинов. С ними были полезные споры и совместные раздумья о русском стихе. И поныне ценят ашхабадского собрата по перу эти товарищи, наверняка заинтересованно следят за публикациями и ростом его мастерства.

Ничего не скажешь, почтенные наставники и компаньоны завидная. Но великие завещали меньше оглядываться, а пуще «...рваться в завтра, вперед, чтобы брюки трещали в шаг». Пусть не всякий день открытие, зато непременно — собственная мысль, пристрастный взгляд, любопытное наблюдение и искреннее желание поделиться с читателем увиденным и пережитым.

У лириков затруднительно определять тематические пристрастия, трудней, чем у авторов эпической поэзии и прозы. А Зубарев поэм не писал, к эпосу не прикасался. И тем не менее, при внимательном чтении этой лирики подряд (журнальные циклы, книги) мы, не рискуя ошибиться, определим глубинные пристрастия и ту основную идейно-содержательную направленность, которая и составляет сущность его поэзии.

Открываете книгу — и на любой странице вас обступают живые приметы Туркмении, рядом же, в тесном переплетении с ними, броские реалии России. И — приметы времени, пережитого автором и его современниками. Может быть, это последнее и составляет у нашего друга основу любого, большого и малого, замысла?

Отборное слово, красочная метафора здесь обычно не самоцельны, они несут определенную нагрузку, потому прочно «впаяны» в контекст произведения. В подобных случаях все же невольно возникает искушение полюбо-

ваться образом, оценить наполнение строки, точное ее соответствие общей концепции и замыслу. Так всегда бывает, когда встречаешься с незаемным искусством и подлинной самобытностью.

Случайных стертых, «захватанных» выражений вы здесь не обнаружите. Однако порой не сразу улавливаете сокровенный смысл строки, не сразу постигаете творческую задачу, волнующую автора. Зачастую сама задача (проблема) представляет интерес для многих, имеет значение для общества, для страны. Как пример хочу напомнить короткую, для Зубарева, впрочем, типичную вещь — о Каспийском море. Она появилась задолго до того, как встал вопрос об отсечении от моря залива Кара-Богаз и когда мы, кажется, не слышали еще о проектах переброски части вод северных рек в Волгу и море.

В стихотворной миниатюре читаете:

Свистит в уши,
солью пахнет Каспий,
он такой — не хочет
опресняться.

В наши дни проблема эта вызывает горячие споры плавников, ученых и хозяйственников. Поэт же давно переболел «актуальной темой» и нашел, как видим, яркие, впечатляющие слова.

Если взять отдельные зубаревские образы, рожденные в разное время и по разному поводу, мы увидим и изысканную метафору о великой среднеазиатской реке, где «высота над переменчивыми стрелками гудит пролетами моста», и удивление перед садами Санды-Качи, и иные более будничные знаки и признаки Туркмении. Под его пером они стали живой плотью и кровью русской поэзии.

Тут будет и память о пограничниках, отдавших жизнь при защите священных рубежей страны, и песнями занесенных, и навечно занесенных в списки личного состава.

А вот — о городе, разрушенном землетрясением, но благодаря братской помощи, усилиям всех наших народов восстановившем из праха и забывавшем новыми яркими красками. Трагедия дорого стоила Ашхабаду и его жителям, потребовала от них исключительной стойкости и отваги. Запоминается прочувствованное зубаревское:

Есть город,
мужеству учащий,
Вопеший в душу целиком.
Пускай он спрашивает
чаще:

О чем я думал и о ком.

Да, Ашхабад и застава на южных рубежах страны, опасные паводки на Амударье и караваны Каракумов. Коренная наглядная Туркмения. Но предки, родители поэта, жили в глубинной России и сам он родом с Рязанщины, вечно там — наполовину. «Над Окою мать моя седым-седай». А родители, предки те, простые русские люди «не здорово мудровали: березовыми дровами да семеном с возов торговали». В тех местах ныне из белой древней колокольни без креста вырастает легкая березка. И «зимний ветер с

осенью бродит по подсолнечью».

Там сохранились заповедные рощи, роскошные сосновые боры, их надо беречь, ибо «каждый ствол в бору сыром трепещет перед топором». И следует напомнить порубщику о деревьях: «когда их иссекают подчистую, то иссекают сами зачастую».

«Под южным солнцем возмужалый» поэт говорит, что страна близка ему «теплой сутью очага». Бесспорно достоверны разбросанные по страницам книг «караваны Каракумов» и караулы Каракумов», «тутовники в три обхвата», виноградная лоза, истекающая соком, оны кочевников и свежесть садов на Мургабе. В большом и малом одушевлены глубинные связи Туркмении и России, так как связи идут через сердце поэта, их достоверность — от личного.

Красноречивы и отчетливы не только внешние приметы, но и чувство, которое стоит за ними. «В краю голубом безмятежного юга мне слышно, как ломится лбом в твою горнилу вьюга».

Для поэта «холодный снежный север», где предки жили, и край, где он согрет «теплой сутью очага», — как берега одной великой реки.

Вдоль берегов,
неторопливый,
прошел не пряча
трезвых глаз.

На все приливы и отливы
душа вполне отозвалась.

Поэт с его порою чрезмерно усложненным стихом, но открытым, как сам он выражается, «трезвым» взглядом сам подсказывает нам лейтмотивы своего творчества. Это любовь, которая «среди мечей во вражде не виновата», когда «любая из ночей днем рождения чревата», когда ведущими темами книги становятся свет, высота. Он сам утверждает с веселым сердцем:

Без увяданий,
без цветений
еще не видан белый свет.
Ни те, ни те не вечны тени.
Единственно что вечно —
свет.

При добром, «правильном» свете народу и его поэтам легче осуществлять любые намерения, замыслы и добиваться любых свершений. И понятие высоты всегда имеет преемственность, обязательное продолжение. Так как, по утверждению Зубарева, «передается высота из рода в род, из уст в уста».

Александр АБОРСКИЙ.